

Данка и Янка — сёстры-близнецы, и они совсем одинаковые. Они такие одинаковые, что когда Янка смотрится в зеркало, она не уверена, видит она там себя или свою сестру Данку.

А когда Данка посмотрит на Янку, она и в самом деле не знает, видит ли она сестру или себя в зеркале.

Они часто ссорятся, потому что им хочется хоть чем-нибудь отличаться друг от друга. Если Янка скажет: «Это — белое», Данка будет твердить: «Нет, не белое, а чёрное». Или даже розовое. А уж когда Данка скажет: «Сегодня пятница», Янка будет твердить: «Вовсе не пятница, а давно уже суббота!» Или, что ещё смешнее, только наступил четверг...

Но так бывает, когда речь идёт о мелочах. В главном же они

всегда заодно. Если можно пойти в цирк, то никаких споров! И мороженое они любят больше всего на свете, только Янка любит ванильное, а Данка — фруктовое.

И ещё, обе девочки очень любят сказки. Иной раз захотят, и сами могут оказаться в сказке. Возьмутся за руки, скажут, «хоп!» — и в сказке. — С самого утра мне всё что-то мерещится, — сказала однажды бабушка. — Ну-ка, дети, подайте календарь!

Данка и Янка побежали к отцовскому столу и вдвоём, будто это какая-то тяжесть, принесли бабушке календарь.

Бабушка надела очки, начала листать календарь и приговаривать:

— Так, так, всё верно... Недаром мне так казалось...

— Что тебе казалось? — спросила Янка.

— Что это тебе казалось, бабушка? — повторила Данка.

— С самого утра мне мерещится, что сегодня самая середина зимы. Это и в самом деле так. Значит, сегодня медведь должен перевернуться на другой бок. Да, перевернётся и снова захрапит.

— Какой медведь, бабушка? — спросила Данка.

— Какой медведь, бабушка? — повторила Янка.

— «Какой, какой»!.. Да любой медведь. С самого начала зимы он спит, а сегодня, когда наступает середина зимы, он переворачивается на другой бок и будет спать дальше. А в нашем лесу только

один медведь, его зовут Деметр. И тепер
Данка тронула Янку за рукав.

— Хотелось бы тебе
посмотреть, как медведь
Деметр перевернётся на другой
бок? — спросила она сестру.

— Пошли посмотрим, —
прошептала в ответ Янка.
Сперва из дому выскользнула
одна, за ней другая... И обе
побежали в лес. К домику
медведя Деметра надо идти по
глубокому снегу. Дорожку
никто не подметал и никто не
протаптывал. Да и кому нужна
эта дорожка, если медведь всю
зиму спит? Они подошли к
двери домика — закрыто.
Подошли к окну — занавешено.
— Ничего не видно, — сказала
Данка.

— Подожди, — сказала Янка и
шагнула поближе к окну. —
Тоже ничего не вижу, —
проговорила она, а сама чуть
ли не влезла на окно. И вдруг

как закричит: — Вижу, вижу, на занавеске есть дырочка! Всё вижу!

— Что же ты видишь?

— Полосатую перину. И она, понимаешь, шевелится. Поднимается: вверх — вниз, вверх — вниз!

— Пусти меня, я тоже хочу посмотреть!

— Подожди, я ещё не насмотрелась!

Но у Данки нет терпения так долго ждать.

— Лучше я посмотрю, пусти меня! — кричит она.

А Янка не пускает, толкается. Тут Данка как даст ей по ноге! Как будто ничего особенного, но

стекло — вдребезги, и Янка влетела. Раздался страшный грохот, полосатая перина подскочила, из-под неё высунулась лохматая морда. Медведь заморгал спронею, что-то бормоча. Но Янка не растерялась. Она тут же выбралась наружу и схватила Данку за руку. Но едва девочки кинулись бежать, как медведь оказался рядом. — Кто из вас меня разбудил? — зарычал он и посмотрел на одну, потом на другую. Вот те на! Девочки-то были совсем одинаковые: и пальтишки, и шапки, и носы, и чёлки, и глаза. Да и страх в глазах у них был совершенно одинаковый.

— Не сердитесь, дядя Дементр, — чуть осмелев, прошептала Данка.

— Нам просто хотелось посмотреть, как вы перевернётесь на другой бок, — сказала Янка.

— Что, — закричал медведь, — разве сегодня середина зимы? Кто вам это сказал?

— Наша бабушка! — в один голос воскликнули Данка и Янка.

— Ну, раз бабушка сказала, значит, это правда. Бабушки такие вещи точно знают. Как хорошо, что вы меня разбудили! А то бы я всю зиму проспал на одном боку.

И медведь Дементр погладил девочек по голове: Данку правой лапой, а Янку — левой. Разбитое стекло Данка и Янка вставили на другой день.

А теперь им хорошо! Они знают: у них в лесу есть друг — дядя Дементр.

В этот день шёл дождь, и дождевые капли сбегали наперегонки одна за другой по оконным стёклам. Данка и Янка с минуту смотрели на них, а потом им стало скучно. Что за интерес, если все капли бегут вниз, хоть бы одна потекла вверх!

Тогда они сели за стол и нарисовали на листе бумаги Бабу-Ягу.

Ну и Баба-Яга получилась у них!

У неё был только один глаз, зато целых три руки: одна как вилы, вторая как лопата, а третья как грабли. Вместо рта у Бабы-Яги был клюв, а уши такие, что она могла в них запахнуться, как в пальто. Ничего не скажешь — ужасное страшилище! Но Баба-Яга себе очень понравилась. Она соскочила с листа и сразу же потянула Янку за ухо.

— Ой, что ты делаешь! — закричала Янка.

— Это я от радости, от радости! — заверещала Баба-Яга своим скрипучим голосом и тут же пощекотала Данку рукой-граблями.

— Ай, зачем щекочешься? — рассердилась Данка. Она терпеть не могла щекотки.

— Как хорошо, как хорошо, что у меня нога-кривулька! — И Баба-Яга поскакала по Данкиной голове на своей ноге-кривульке. Потом стащила с Янкиной ноги тапочку и заодно пощекотала ей пятку рукой-лопатой.— Ой, хи-хи... Ой, хи-хи-хи... — захохотала Янка и спрятала ноги под платье.

Но Данку всё это ужасно рассердило. Она схватила Бабу-Ягу за руку, втокнула её в шкаф, а шкаф закрыла.

— Хо-хо-хо! — радовалась Баба-Яга. — Вот глупые девочки! Они думают, меня можно запереть в шкафу.

И она сунула в дырку от ключа руку-грабли, открыла дверцу, и тут же из шкафа показались одна за другой три её руки, а напоследок и нога-кривулька.— Ха-ха-ха! — подскочила она к Янке и дёрнула её за платье.

А платье-то было новое, Янка его второй раз только надела. Она здорово рассердилась, схватила Бабу-Ягу за огромное ухо, впихнула её в банку и скорее закрыла крышку. Вот тебе!

— Хе-хе-хе! — продолжала радоваться Баба-Яга.

Всё ей было нипочём! Она пустила в ход свой клюв и

через минуту выскочила из банки. И давай скакать по столу и стучать клювом, будто гвозди заколачивать.

— Успокойся ты наконец! — закричала Янка. Она очень не любила, когда у неё над ухом забивали гвозди.

— Нет, я только начала!

— Когда же ты угомонишься?

— Никогда, никогда, никогда!

— Ты это всерьёз говоришь?

— А как же, а как же, конечно, всерьёз! Вот если только вы скажете волшебные слова, тогда я перестану. Но вы ведь не знаете ни одного волшебного слова! Ты не знаешь! — И она дала Янке щелчок по носу своей рукой-лопатой. — И ты не знаешь! — Она уцепилась за Данкины волосы рукой-вилами.

— А какие же это слова?

— Ха-ха-ха, не скажу!

— Ха-ха-ха, потому что сама не знаешь! — сказала Янка и потрогала пальцем свой нос, который очень болел от щелчка Бабы-Яги. — Ты их давно забыла, волшебные слова, вот и всё!

— Ещё чего! Ничуть не забыла! — рассердилась Баба-Яга и задела Данку по лицу своим огромным ухом. — Вот и не забыла, ля-ля-ля! Шуха-руха-гевендуха-шмыг! Разве такие слова можно забыть?

И она, взмахнув своим вторым огромным ухом, задела Янку по глазу.

Тогда Янка мигнула Данке, Данка мигнула Янке, и они закричали в один голос:

— Шуха-руха-гевендуха-шмыг!

Да, эти слова действительно были волшебными. Баба-Яга мякнула, как кошка, и — что же ещё ей оставалось делать? — тут же вернулась на лист бумаги.

А Данка с Янкой быстро взяли ластик и поскорее стёрли Бабу-Ягу с листа. Вот какие иногда бывают

приключения! Данка и Янка были дома одни. Но они отлично знали, что человечек из будильника тоже дома. Он всегда был дома и не переставая стучал: тю-ки, тю-ки... Днём и ночью, в будни и в праздники.

Чудесный был этот человечек из будильника! Интересно, как он выглядит?

— Я думаю, что он тоненький, как спичка, — сказала Янка.

— А я думаю, что он толстый, как мяч, — сказала Данка.

— А я говорю, как спичка!

— Нет, как мячик!

Вдруг...

— Слышишь? — прошептала Янка. — Он не тикает!

И правда, человечек из будильника вдруг замолчал.

Данка и Янка посмотрели на будильник... Ой!

К будильнику была приставлена лестница, и по этой лестнице спускался

человечек — весь из пружинок и из колесиков, а в руке он держал ножницы. — Нет ли у вас мас-ла, Дан-ка, Ян-ка? — Голос у него был очень странный — металлический.

— Вы нас знаете? — удивились девочки.

— Дав-но!

— А почему вы никогда не выходили из будильника?

— Я дол-жен все-гда ра-бо-тать. Толь-ко се-го-дня при-шло-сь... Нет ли у вас мас-ла?

Данка и Янка, не теряя ни минуты, начали собирать всё масло, какое было в доме: подсолнечное, вазелиновое, машинное... Перемешали его, переболтали. А потом гусиным пёрышком смазали все гаечки и винтики, которые показал человек.

— Расскажите, что вы делаете в будильнике, — попросила Янка.

В ответ человек защёлкал ножницами: тю-ки, тю-ки, тю-ки... Потом он быстро взобрался по лестнице и, остановившись на верхней ступеньке, повернулся к девочкам и сказал металлическим голосом:

— Ну-ка за-ве-ди-те бу-диль-ник! Вот так! Потом он помахал им на прощанье рукой, сказал «спа-си-бо» и исчез в будильнике. И тут же раздалось равномерное «тю-ки, тю-ки, тю-ки». Данка и Янка поглядели на будильник, потом друг на друга и потом снова на будильник.

— До свиданья! — наконец сказала Янка.

— Тю-ки, тю-ки, тю-ки! — отозвалось из будильника.

— Не слышит? — спросила Данка.

— Может, и слышит, просто ему некогда разговаривать, — ответила Янка.

— А я говорю, не слышит!

— Слышит! Вот посмотри!

Янка сложила ладони трубочкой и закричала:

— Вы меня слышите?

— Тю-ки, тю-ки, тю-ки! — ответил будильник.

Данка засмеялась:

— Видишь, не слышит!

— Я знаю, что вы меня слышите! Просто вам некогда ответить, да? — продолжала выкрикивать Янка.

— Тю-ки, тю-ки, тю-ки! — ответил будильник.

— Ответьте мне, очень вас прошу! — взмолилась Янка.

И вдруг в будильнике что-то затрещало и раздалось пронзительное «тр-р-р»!

С тех пор Данка с Янкой отлично знают, что человечек из будильника, хоть и стучит день и ночь, в будни и в праздники хорошо слышит каждое их слово. Жил-был воробей, которого звали Доминик.

Это был настоящий турист. Он вечно путешествовал. Сегодня он живёт на солнечном берегу, и там ему хорошо. Но вот солнце скрылось за облаками, и стало холодно. Тогда он берёт свой чемоданчик и зонтик и переселяется на трубу. Хорошо на трубе — тепло и приятно! Но вот солнце выходит из-за туч, и вновь возвращается тепло. Недолго думая воробей хватается свой чемоданчик, зонтик и переселяется на вербу. А если начинается дождь, у него новая квартира. Какая? Да стог сена. Или старый фонарь. А потом ещё и ещё что-нибудь... Настоящий непоседа. Данка и Янка играли в саду, когда к ним подбежал лесной почтальон: — Не знаете, где живёт воробей Доминик? Нет, Данка и Янка не знали. Через минуту бежит второй почтальон:

— Не знаете, где живёт воробей Доминик?

И опять Данка и Янка не знали.

Наконец, бежит ещё один почтальон:

— Не знаете, где теперь живёт воробей Доминик? Он выиграл кучу денег в лотерее!

Ах, какая жалость, что Данка и Янка не знакомы с воробьем Домиником и не могут сообщить ему такую приятную новость!

Девочки решили познакомиться с воробьем Домиником. Они побежали направо, потом налево,

ПОТОМ НАИСКОСОК, а ПОТОМ ОСТАНО

— Не ты ли Доминик? — спросили они у какого-то воробья.

— Нет, я воробей Исидор, — ответил тот.

— Не ты ли Доминик? — спросили они другого воробья.

— Нет, — ответил он, — я воробей Андрейка.

— Может, случайно, ты Доминик? — спросили девочки третьего воробья.

— Нет, — ответил им и третий воробей.

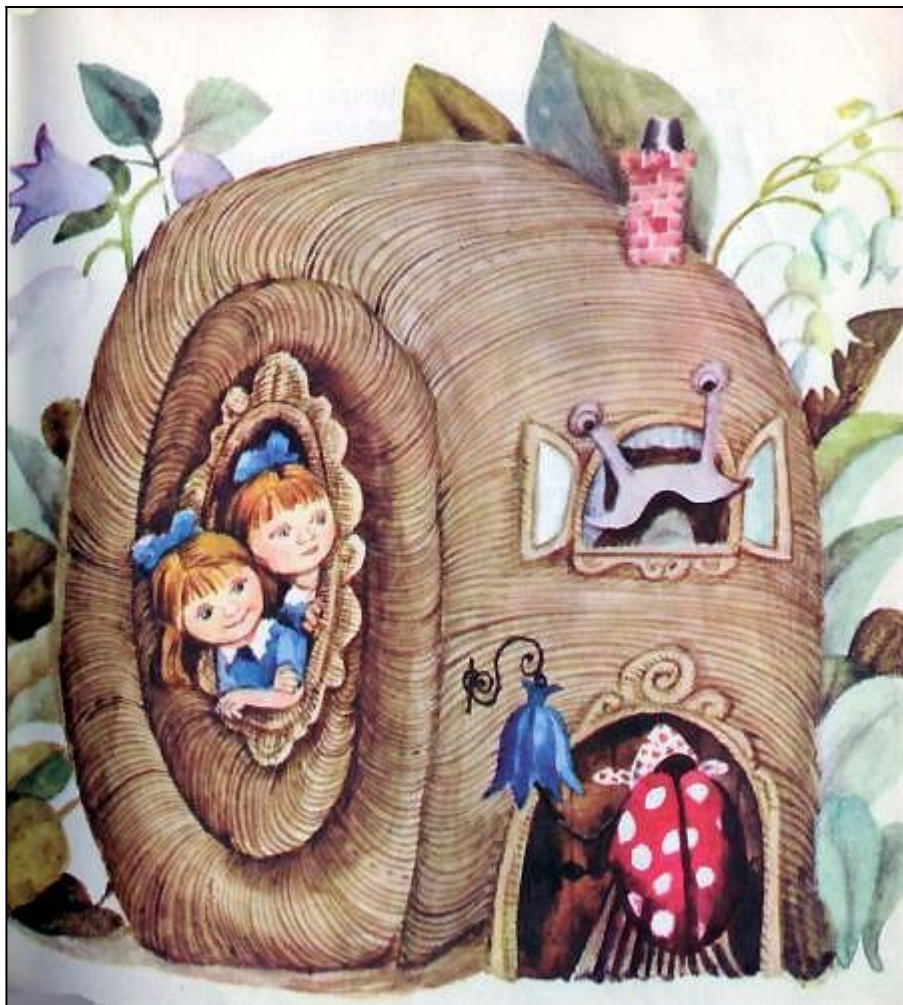
А всего у них в саду было тысяча триста Воробьёв. А возможно, и гораздо больше. Пока Данка и Янка всех спрашивали, воробей Доминик переселился из мышиной норы на живую изгородь.

— Не ты ли воробей Доминик? — спросили его девочки как раз в ту минуту, когда он раздумывал, какой этаж ему лучше выбрать.

— Да, — ответил Доминик, — я воробей Доминик. — И он вежливо поклонился.

— Ты выиграл в лотерею кучу денег! — крикнули Данка и Янка в один голос.

Воробей Доминик чрезвычайно обрадовался. Он получил на почте свой выигрыш, позвал Данку с Янкой в кондитерскую и купил им по порции мороженого: Янке — ванильное, а Данке — фруктовое. С тех пор воробей Доминик — их самый лучший друг. И всякий раз, когда он переселяется на новую

квартиру, он оставляет им свой адрес. Данка и Янка пошли

в лес за грибами, и там их застигла гроза: молния, гром, ливень. Лес шумел.

— Я боюсь! — захныкала Данка.

— И я боюсь! — захныкала Янка.

Тут девочки заметили под деревом домик улитки. Что, если войти туда и спрятаться в нём от дождя?

Они деликатно постучались и спросили:

— Нельзя ли у вас переждать грозу?

Улитка была в некотором замешательстве: первый раз к ней пришли гости — девочки Янка и Данка.

— Конечно, можно! — сказала она, минуту подумав. — Только извините меня за беспорядок. Я начала убираться ещё весной, думала, к зиме всё будет готово, но теперь...

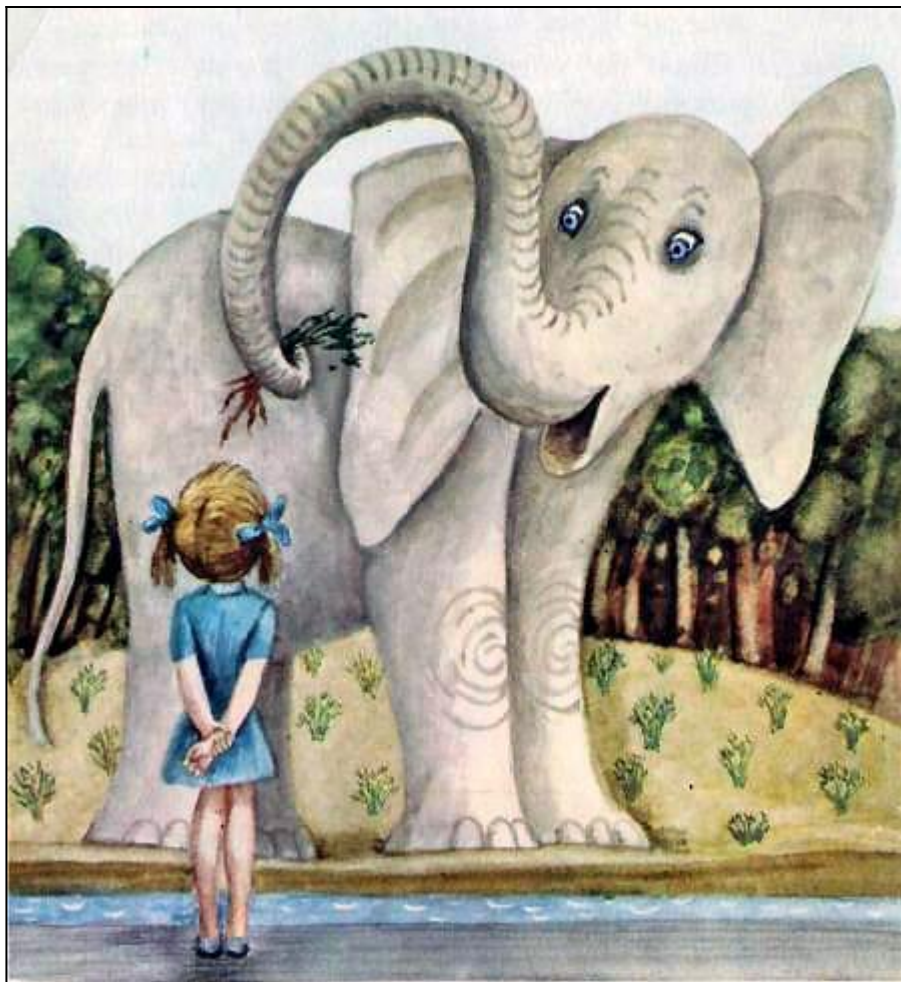
— Пожалуйста, не беспокойтесь, — сказала Янка и подмигнула Данке.

И Данка добавила:

— Конечно!

Когда гроза миновала, девочки взялись за уборку в улиткином домике. Выстирали занавески, вымыли пол, окна, а затем и всю посуду. Всё там было такое маленькое, такое смешное! Тарелочки — как капли росы, а самая большая кастрюля — как три дождевых капли.

Улитка была очень растрогана. Она поблагодарила девочек и сказала:

— Я не виновата, что ты похожа на меня! Зачем ты похожа на меня? — А ты почему похожа на меня? И чего ты толкаешься? — Нет, это ты меня толкаешь! В эту минуту Янке пришло в голову что-то ужасное. Недолго думая она побежала в зоопарк.

— Ты обжора! Ведь одна шоколадка была моя! — накинулась на неё Янка.

— Тогда зачем же тётя дала мне сначала одну, а потом другую?

— Она думала, что другую даёт мне!

— Я не виновата, что ты похожа на меня! Зачем ты похожа на меня?

— А ты почему похожа на меня? И чего ты толкаешься?

— Нет, это ты меня толкаешь! В эту минуту Янке пришло в голову что-то ужасное.

Недолго думая она побежала в зоопарк.

— Отчего у тебя такой длинный

хобот? — спросила она у слонёнка.

— От слоновьего корешка, — ответил тот. — Моя мама всегда мне говорит: «Ешь слоновий корешок, и у тебя будет большой-пребольшой хобот».

— А не дашь ли ты мне такой корешок?

Слонёнок согласился. За обедом Янка положила корешок рядом с Данкиной тарелкой, и Данка начала его жевать. Может, она решила, что это просто-напросто морковь. Она ведь была такой сладёной!

И в эту же минуту... В эту ужасную-ужасную минуту у Данки вырос хобот.

— Ой, что это? — каким-то странным, чуть в нос, голосом произнесла Данка и взяла хобот в руки, потому что он был очень тяжёлый.

Янка торжествовала:

— Теперь нас никто не спутает! Никто не даст тебе две шоколадки!

Данка горько заплакала:

— Никому никогда не покажусь на глаза... Я всю жизнь буду сидеть дома!

И правда, она никуда не пошла, весь день сидела дома. Только иногда подходила к окну и выглядывала на улицу, да и то из-за занавески.

«Гм, — подумала Янка, — если так пойдёт дальше, я буду всюду одна: и во дворе, и в саду. Даже в лес не пойти. Одной там легко заблудиться». И всё-таки Янка сказала Данке: — Идём в лес, Данка! Там грибов полным-полно...

Но Данка лишь покачала головой в ответ. И хобот у неё закачался туда-сюда.

— Не пойду! Все будут надо мной смеяться, — ответила она в нос.

Неужто она всегда будет говорить таким носовым голосом? И Янке стало жаль Данку: «Какая она грустная! И хобот у неё грустный, а вовсе не смешной...»

— Знаешь, Данка, пойдём в лес, и я всем буду говорить, что хобот вырос не у тебя, а у меня.

— А про себя подумала: «Только бы не встретить знакомых».

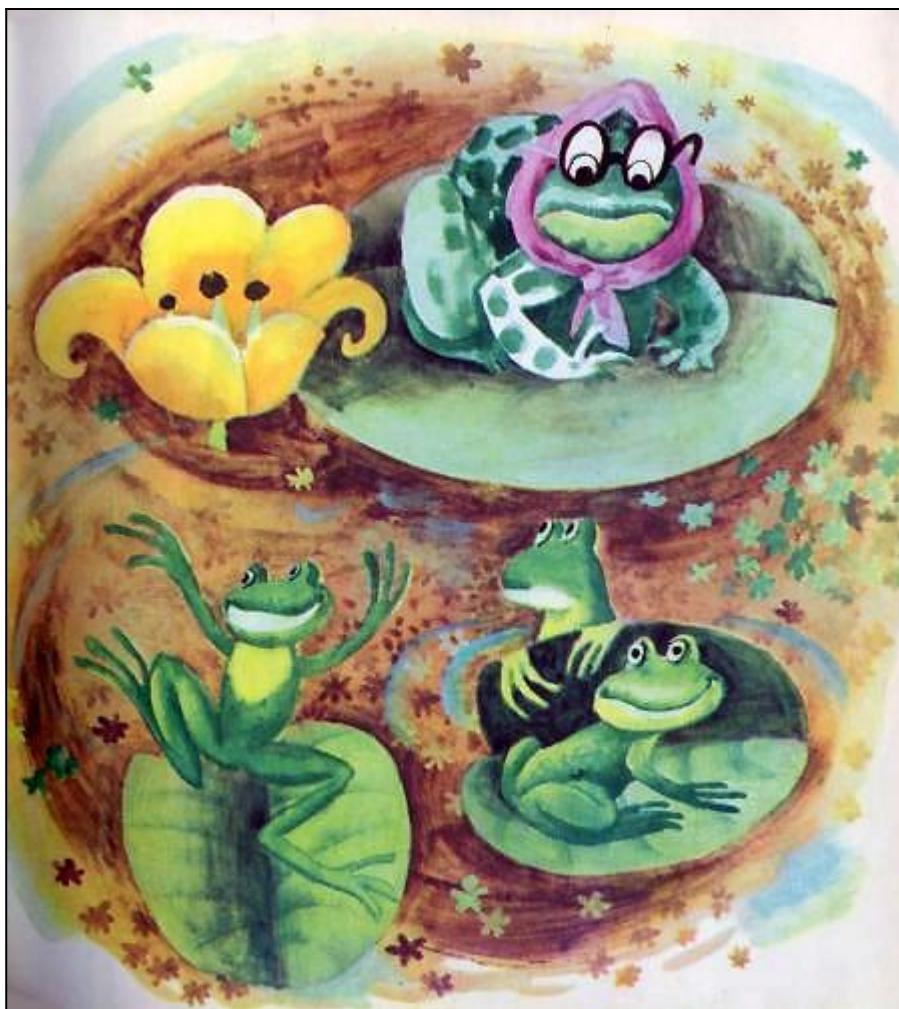
И они пошли в лес. А к лесу надо пройти мимо болота, а в болоте не счесть лягушек — больших и маленьких. И конечно, там была и знакомая тётя жаба.

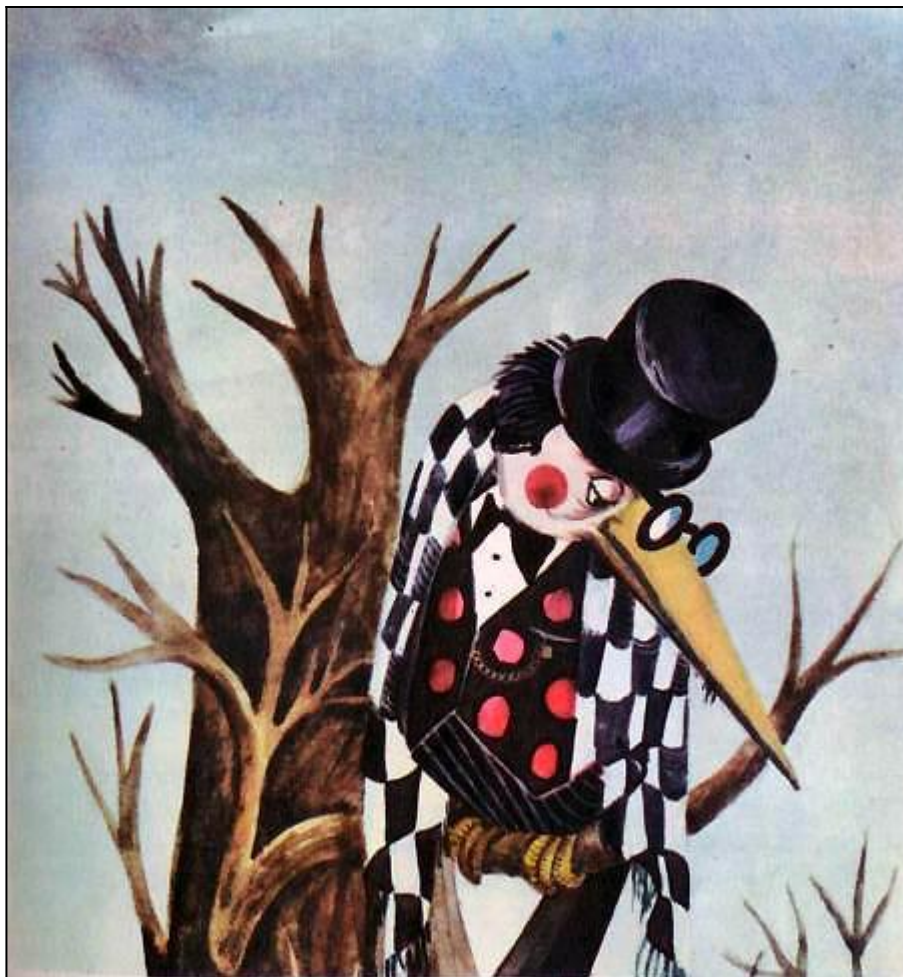
— Это кто же из вас с таким огромным хоботом? — спросила тётя жаба.

— Янка, — ответила Янка, а сама покраснела до ушей.

— Ква-ха-ха! Ква-ха-ха! — хором захохотали лягушата.

— Бреке-брекеке! — остановила их тётя жаба. На лягушачьем языке это значило: «Нечего

смеяться! Всё случается на этом свете». А Данка и Янка пошли дальше.

Но уже не бегом, а маленькими шажками. Смотрят: в своём домике у дороги сидит улитка и выглядывает в окошко.

— Ой, — она даже руками всплеснула, — у кого же из вас такой огромный хобот?

— У Янки, — ответила Янка и вся побледнела.

— Ах, ах, что же это делается! — ужаснулась улитка и спряталась поскорее в свой домик.

Теперь обе девочки не шли, а еле плелись, и в голове было только одно: как бы поскорее вернуться домой. Смотрят, а на дереве сидит дятел. Старый, может быть столетний. Сидит на дубе и стучит клювом:

— Кто же это с таким ужасным хоботом?

— Это я, Янка, — сказала Янка, а из глаз у неё закапали горячие слёзы.

Старый дятел покачал головой: «У одной сестры хобот, а другая на себя наговаривает. Это хорошо!»

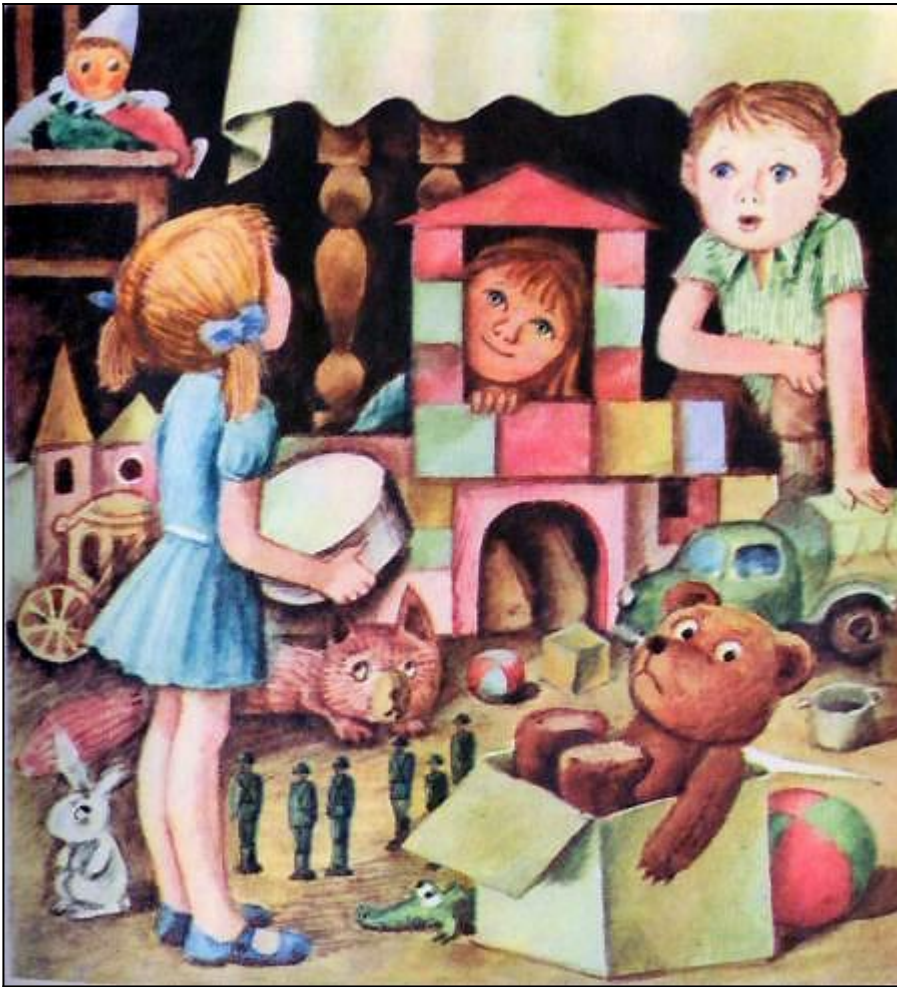
Он захлопал крыльями и скрипучим голосом трижды произнёс волшебное слово:

— Эмпети, эмпети, эмпети! В ту же минуту огромный хобот исчез с Данкиного лица, а вместо него появился её собственный маленький вздёрнутый носик. Очень любопытный, но зато вполне такой, как и все девчачьи носы.

Данка и Янка возвращались домой вприпрыжку и всю дорогу пели:

— Лес — наш друг,

А дядя дятел,

Дядя дятел — наш приятель! В тот день шёл дождь и в гости к девочкам пришёл соседский мальчик Рудко. Стали строить из кубиков башни, дома и мосты. Потом это всем надоело, и Рудко сказал:

— Какие у вас есть ещё игрушки?

— Ещё у нас есть куклы и звери, — сказала Янка.

— И домик с кухней, — добавила Данка.

— А больше ничего? — спросил Рудко и насмешливо протянул:

— Ну и ну...

— Есть ещё что-то... — И Янка подбежала к полке, взяла круглую коробку, в которых продают сыр, и открыла её. В коробке лежали листик с дерева, шляпка от гриба, золотая тряпочка и ещё что-то очень маленькое. — Хочешь знать, что это? Вот это маленькое — кусочек от дома

улитки.

— А-а-а... — удивился Рудко.

— Этот лист подарил нам клён. Он растёт в нашем саду. А эта золотая тряпочка — никакая не тряпочка, а яблочный плащик.

— Яблочный плащик? — ещё больше удивился Рудко.

— Да. В него было одето яблоко, чтобы не мёрзнуть. Мама-яблоня видела, что яблоку холодно, и сшила ему плащик.

— А где теперь это яблоко?

— На полке лежит. В доме тепло, и плащик можно снять, — объяснила Янка.

— А шляпка от гриба? — спросил Рудко.

— Эту шляпку нам дал гриб за то, что мы его не сорвали, — сказала Данка.

— И шляпка эта — вот какая!

Янка положила шляпку от гриба на голову и, странное дело, тут же исчезла.

— Янка, где ты? — с испугом крикнул Рудко.

— Здесь! — зазвенел Янкин голос по другую сторону стола. Но там никого не было видно. — Я здесь! — снова послышался Янкин голос, на этот раз возле двери.

Потом дверь открылась сама собой, но никто не вошёл и никто не вышел.

— Да здесь же я! — сказал голос Янки прямо в ухо мальчику, и тут он увидел Янку.

Шляпка гриба преспокойно лежала на столе, а Данка и Янка хохотали до упаду. И Рудко засмеялся: он понял, что ничего страшного не происходит, просто-напросто эта шляпка — волшебная. Кто её

наденет, тот станет невидимкой. Они стали по очереди надевать её и играть в прятки. Двое ищут третьего — невидимку, и отовсюду раздаётся его голос: «Я здесь!.. А я здесь!..»

Долго они играли. Уже за окном стало темно, а они всё ещё играли.

— Данка, Янка, ужинать! — раздался из кухни голос мамы.

Тут Рудко испугался. Ведь ему давным-давно следовало быть дома. Отец такой строгий!

— Данка, Янка... — начал он робко, — нельзя ли мне...

— Можно, а что? — спросила Данка.

— Нельзя ли мне ненадолго взять эту волшебную шляпку?

— А зачем?

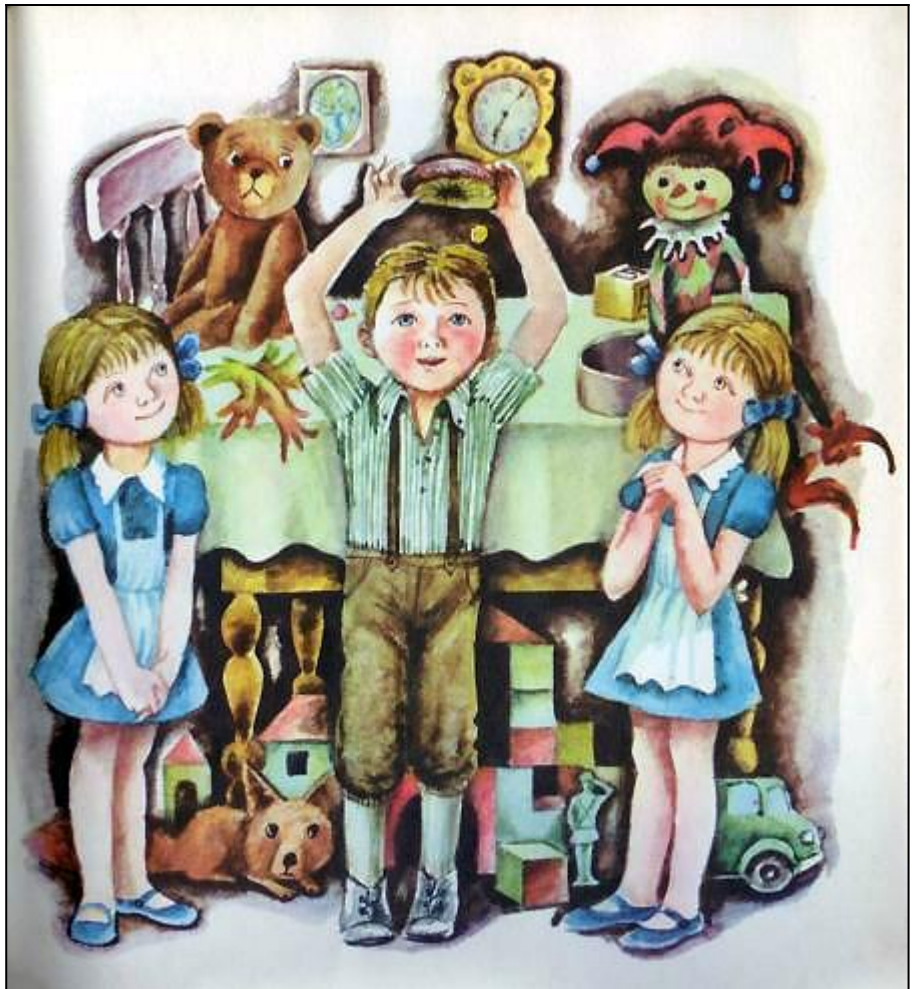
— Я бы позвонил в дверь, отец бы мне открыл, он бы меня не увидел, а я бы тихонько проскользнул внутрь...

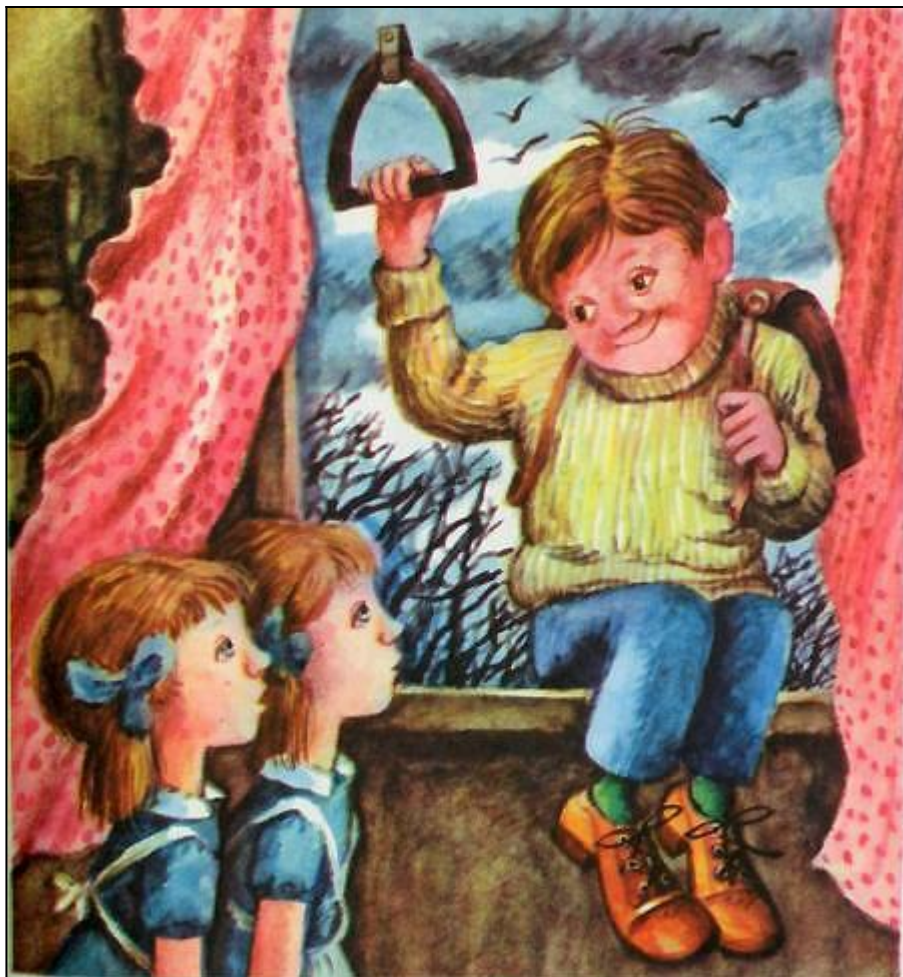
Янка засмеялась:

— Он бы подумал, что ты давно дома? Девочки дали Рудко волшебную шляпку, но только до завтра. Однако Рудко не вернул шляпку ни завтра, ни послезавтра, ни через неделю. Да и сам он перестал показываться Данке с Янкой на глаза.

А случилось вот что.

В тот же вечер увидела мама, что у Рудко на столе лежит какой-то грибок. Правда, не целый, а только шляпка. Хоть маленькая, да очень хорошая. «Где же это бродил наш мальчик и где он

наш бродячий мальчик с ошейником и суп.— Я была у медведя, улитки,

но этого мало, — сказала Янка. — Я бы хотела побывать везде!

— Такого не бывает, — ответила Данка.

— Как это не бывает? А бабушка говорила, что есть на свете такой мальчик, который был везде.

— И неправда! Ведь у нас-то он не был!

В ту же минуту подул сильный ветер, окно распахнулось настежь и в комнату влетел мальчик в огромных туфлях, в толстом свитере и с сумкой на спине.— Привет, девочки! — воскликнул он. — Я именно тот мальчик, который побывал везде. Гм... А вы, кажется, совсем одинаковые?

— Одинаковые, — холодно ответила Данка. — Ну и что?

— Очень хорошо, что я вас увидел! А то я везде был, а у вас ещё ни разу.

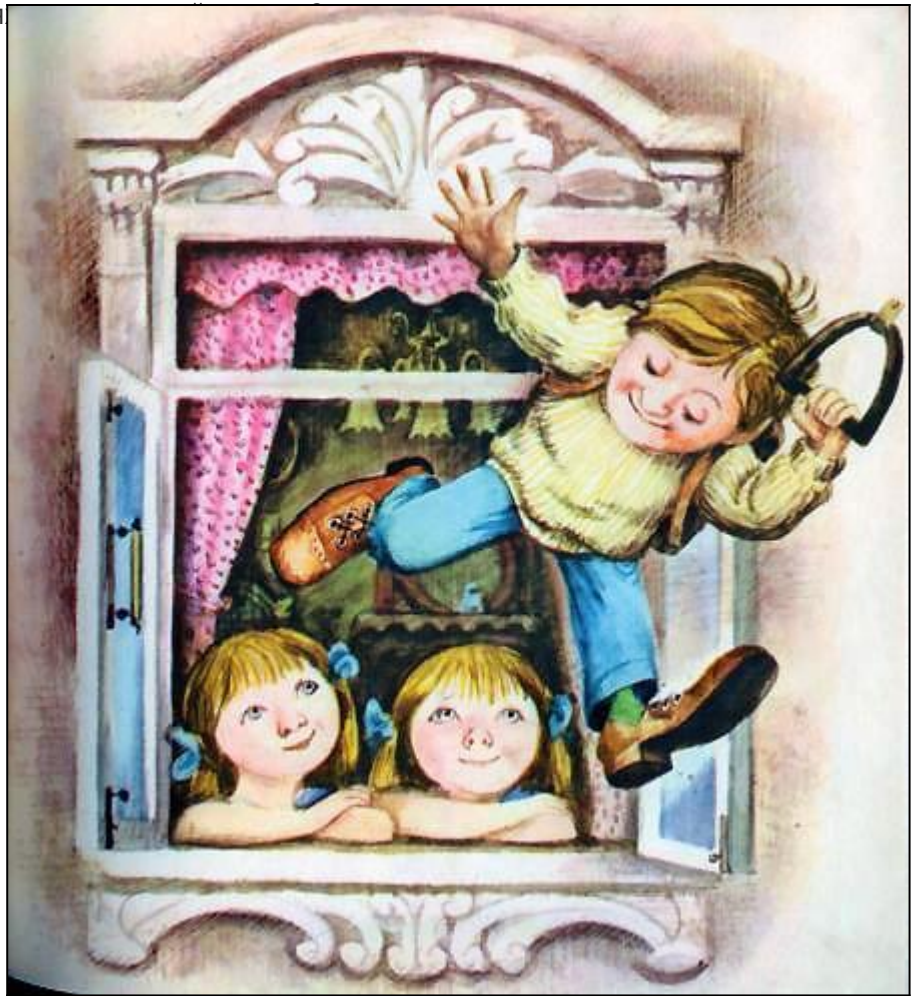
— Значит, это правда, что ты был везде? — спросила Янка. — Неужели везде-везде?

— Пожалуй, у ветра в гостях я всё-таки ещё не был. Но я туда обязательно попаду, — сказал мальчик.

— Скажи, пожалуйста, а где лучше всего? — спросили девочки.

— Везде хорошо, только дома лучше.

- А вот эта пыль на твоих туфлях
- Она села

на туфли, когда я летел через пустыню. А вот эта, блестящая, — это космическая пыль...

- А что у тебя за свитер?
- Свитер как свитер. Только называется он — зимогрей.
- А почему зимогрей?
- Потому, что только зимой он греет. А летом наоборот — холодит.
- А что у тебя в сумке?
- Другая сумка, поменьше.
- А в той сумочке?
- Ещё поменьше, совсем маленькая сумочка.
- А в ней?
- Совсем малюсенькая сумочка.
- А в малюсенькой?
- Малюсенькая-премалюсенькая...
- А в малюсенькой-премалюсенькой?
- А этого я не знаю! У меня никогда не бывает времени открывать сумку за сумкой, чтобы добраться до самой малюсенькой и узнать, что в ней.
- Тогда зачем ты их носишь с собой? — удивились девочки.
- Зачем? Если бы у меня было побольше времени, я бы подумал об этом. А теперь мне пора! Прощайте, девочки-сестрички!

И мальчик летел как стрелочка в трубу. В день своего рождения Данка и Янка получили от бабушки новую игрушечную посуду: двенадцать тарелочек и двенадцать кастрюлек. Девочки начали с ними играть, и тут Янка заметила, что одна кастрюлька какая-то особенная. А вдруг она волшебная? Янка взяла кастрюльку за ручку и сказала на всякий случай:

— Кастрюлька, вари!

И... диво дивное: кастрюлька тотчас же начала варить, и не что-нибудь, а вкусную, сладкую кашу!

Данка и Янка ели эту кашу один день, другой, третий...

«Надо бы пригласить гостей, чтобы они тоже попробовали кашу», — придумала Данка.

Это была хорошая мысль! В тот же день Данка и Янка

навелили своих друзей и сказали, что в воскресенье ждут всех в гости.

Первым пришёл дядя Деметр. Он поставил на стол баночку мёду, чтобы каша была ещё слаще, и с нетерпением стал ждать, когда же придут остальные.

Потом пришла тётя коза с тремя козлятами. Прилетел и воробей Доминик с чемоданом и зонтиком. Он сказал, что жить на дереве ему надоело: со всех сторон дует, и поэтому он собирается переселиться на новую квартиру — за водосточную трубу.

А больше никто не пришёл. Некоторые были очень заняты, например человечек из будильника, а другие — неизвестно почему. Может, у них что-то случилось или они не любят сладкой каши.

Всем было очень весело. Ели кашу, запивали её водой, пели и танцевали. Воробей Доминик зачирикал известную песенку. Козлята принялись играть под столом в салочки, а дядя Деметр,

покачивая головой, задремал. Уже Вдруг кто-то постучал в дверь. Это оказалась улитка. Усталая, измученная, еле дышит. — Извините за опоздание, — сказала она, утираясь клетчатым носовым платком. — Я отправилась к вам ещё в четверг, но, видно, надо было мне в среду пуститься в путь. — Но мы пригласили всех только в четверг, — напомнила Данка.

Улитка стояла на своём:

— Всё равно мне следовало бы отправиться к вам в среду, тогда я пришла бы вовремя.

Её с почётом усадили за стол, а Янка взялась за ручку волшебной кастрюльки.

— Сейчас будет для вас свежая каша, милая улитка! — сказала Янка.

А в эту минуту дяде Деметру приснилось, что на нос ему села

оса. Он замахнулся... и кастрюля полетела вверх, словно у неё выросли крылья, потом — бац! — разбилась на двадцать один кусочек. Только волшебная ручка осталась у Янки в руках. Но какой же прок от одной кастрюлькиной ручки, даже волшебной? Это был теперь лишь простой черепок.

Очень обидно, что улитка даже не попробовала сладкой каши!

Дядя Деметр, хоть был и не очень виноват, на другой же день купил Данке и Янке отличную новую посуду: дюжину тарелочек и дюжину кастрюлек.

Янка надеялась, что в дюжине найдётся хоть одна волшебная кастрюлька.

Она перепробовала их все, но напрасно. Сладкая каша появлялась в кастрюльке, когда её варили на плите.

